

Майя
НУР

СОВРЕМЕННЫЙ
ЛЮБОВНЫЙ
РОМАН

БОСС

не по плану.

ОН НЕ ВЫНОСИТ **ХАОС**.

ОНА — ЕГО ИДЕАЛЬНАЯ **КАТАСТРОФА**.

Майя Нур

Босс не по плану

<https://litres.ru/74547008>

SelfPub; 2026

Аннотация

После развода моя жизнь решила добить меня контрольным: муж ушёл к подруге, квартиру затопило, мама сломала ногу, а я случайно заняла парковочное место самого невыносимого человека в этом городе.

Максима Северова.

Совладелец огромной компании.

Мужчина, который смотрит так, будто эмоции придумали для слабых.

Человек, рядом с которым даже кофемашина работает тише.

И именно к нему меня временно переводят личным ассистентом.

Теперь мои будни выглядят так:

- искать загадочные синие папки;
- не говорить «лишнего»;
- не проливать кофе;
- не спорить с боссом;
- не думать о его глазах;
- не замечать, что за ледяным характером прячется что-то слишком настоящее.

Проблема в том, что Северов не терпит хаос.
А я, кажется, и есть его персональная катастрофа.

Содержание

Глава 1. Парковка, катастрофа и человек без лица	5
Глава 2. Правила, кофе и один неловкий момент	14
Глава 3. Дождь, лифт и вещи, которые не говорят вслух	24
Глава 4. Корпоратив, каблуки и правило «не думать»	34
Глава 5. Понедельник, Полина и правило «не моё дело»	45
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Майя Нур

Босс не по плану

Глава 1. Парковка, катастрофа и человек без лица

Утро началось с того, что я заняла чужое место.

Нет, я не знала. Нет, таблички не было. И нет, я не буду извиняться за то, что не умею читать мысли незнакомых мужчин, — даже если эти мужчины смотрят на тебя так, будто ты только что въехала прямо в их душу.

Но давай по порядку.

В семь пятнадцать утра я паркуюсь в подземном гараже бизнес-центра «Северная точка» — потому что мой работодатель, Геннадий Аркадьевич Пуговкин, наконец выбил для нашего отдела два гостевых места, и я, как человек, который встаёт раньше всех и позже всех уходит, законно занимаю одно из них.

В семь шестнадцать я понимаю, что припарковалась не там.

Понимаю не сразу. Сначала я сижу в машине и доедаю творожок из пакетика — потому что дома снова не было времени позавтракать, а в офисе Маринка с бухгалтерии съеда-

ет всё чужое раньше, чем ты успеваешь повесить куртку. Я ем творожок, слушаю радио и думаю о том, что жизнь, в общем-то, могла бы быть хуже.

Могла бы.

Стук в стекло.

Я вздрагиваю. Ложка с творожком летит на блузку — белею, разумеется, потому что судьба любит точность в деталях.

За стеклом стоит мужчина.

Высокий. В тёмно-сером пальто, которое, кажется, стоит как моя зарплата за квартал. Лицо — как будто скульптор начал лепить что-то красивое, а потом передумал делать его добрым. Острые скулы. Тёмные глаза без единой эмоции внутри. Волосы зачёсаны назад с такой точностью, что хочется спросить: он линейкой? Каждое утро?

Я опускаю стекло.

— Доброе утро, — говорю я, потому что воспитание не пропьёшь.

Он смотрит на меня. Потом на творожное пятно на моей блузке. Потом снова на меня.

— Вы стоите на моём месте, — говорит он.

Голос низкий. Ровный. Такой голос бывает у людей, которые никогда не кричат — просто потому что не видят смысла тратить энергию.

— Здесь нет таблички, — говорю я.

— Есть.

— Где?

Он чуть разворачивается и смотрит в сторону. Я вылезаю из машины, иду следом и вижу табличку. Маленькую. Приклеенную к колонне на уровне колена. Написано: «М. Северов. Место №1».

Я смотрю на табличку. Табличка смотрит на меня.

— Её видно только если лечь, — говорю я.

— Или посмотреть по сторонам перед тем, как парковаться.

Я поворачиваюсь к нему. Он стоит с руками в карманах пальто и смотрит на меня без раздражения, без иронии, без вообще чего-либо. Просто смотрит. Это почему-то раздражает больше, чем если бы он кричал.

— Послушайте, — говорю я терпеливо, — я гость этого здания, я заняла гостевое место, я не видела вашей таблички у плинтуса, и у меня на блузке творог. У меня не самое простое утро.

— Вижу, — говорит он, и это всё.

Просто «вижу». Ни сочувствия, ни улыбки, ни «ничего страшного». Просто факт, зафиксированный и закрытый.

Я смотрю на него ещё секунду.

— Вы вообще умеете разговаривать с людьми?

— Умею, — отвечает он. — Просто не всегда вижу необходимость.

Я переставляю машину.

Гостевые места оказываются на третьем уровне, в дальнем углу, рядом с мусоропроводом. Я паркуюсь, сижу минуту в тишине и думаю о том, что жизнь определённо могла бы быть хуже. Просто она старается.

В офисе меня ждёт Геннадий Аркадьевич с новостью.

— Верочка, у нас небольшие изменения.

«Небольшие изменения» у Пуговкина — это как «лёгкий дискомфорт» у стоматолога. Формально правда. Практически — ложь.

— Тебя временно переводят.

— Куда?

— На двадцать второй этаж. Личным ассистентом к Северову.

Я смотрю на него.

— К кому?

— К Максиму Северову. Совладелец. Его ассистент вчера уволился — очень внезапно, говорят, просто собрал вещи посреди рабочего дня и ушёл не прощаясь. Северову нужен человек на месяц, пока найдут замену. Ты у нас самая организованная.

— Геннадий Аркадьевич, — говорю я медленно, — я сегодня уже встретила Северова.

— Да? И как он тебе?

Я вспоминаю взгляд без единой эмоции. Голос, в котором нет ничего лишнего. «Просто не всегда вижу необходимость».

— Табличку надо перевесить, — говорю я. — На нормальную высоту.

Пуговкин смотрит на меня с видом человека, который не очень понял, но переспрашивать не будет.

— Значит, договорились. В девять ты на двадцать втором.

Двадцать второй этаж — это другая планета.

Внизу у нас: открытый офис, старые кресла, принтер, который жуёт бумагу по настроению, и пальма в углу, которую никто не поливает, но которая живёт — видимо, из принципа.

Здесь: стекло, серый камень, воздух, который кажется другим на вкус. Тишина такая, что слышно собственное дыхание. Секретарша на ресепшене смотрит на моё творожное пятно с таким лицом, как будто я пришла с улицы.

— Вера Климова, — говорю я. — Меня прислал Пуговкин.

Секретарша кивает, встаёт, ведёт меня по коридору. Останавливается у двери.

— Максим Андреевич ждёт.

Она уходит. Я смотрю на дверь.

За дверью — человек, который только что заставил меня переставлять машину из-за таблички у плинтуса.

Я делаю вдох. Потом ещё один. Потом думаю: ничего страшного. Это временно. Месяц — не вечность. Я справлялась с Пуговкиным восемь лет, справлюсь и с этим.

Я открываю дверь.

Северов сидит за столом и смотрит в экран. Когда я вхожу, он не поднимает глаза сразу — заканчивает то, что читает. Это занимает секунд десять. Я стою у двери и жду.

Потом он смотрит на меня.

Пауза.

— Вы, — говорит он.

— Я, — подтверждаю я.

Он смотрит на пятно на блузке. Я смотрю на него.

— Присаживайтесь, — говорит он наконец, и в его голосе нет ровным счётом ничего — ни иронии, ни удивления, ни даже того «ну и дела», которое я бы точно не удержала.

Я сажусь.

Он открывает папку, кладёт передо мной листок с распечатанным списком.

— Здесь задачи на сегодня. Читайте внимательно. Вопросы — сразу, не потом.

Я смотрю в список. Там четырнадцать пунктов.

— Пункт восемь, — говорю я.

— Что с ним?

— «Согласовать встречу с Берлином без подтверждения даты». Как это — без подтверждения даты?

— Они сами предложат варианты. Ваша задача — принять входящее письмо, переслать мне и не отвечать ничего лишнего.

— Что значит «лишнего»?

— Вежливость, светские замечания, предположения о погоде в Берлине.

Я смотрю на него.

— Вы серьёзно?

— Всегда.

Я смотрю в список.

— Пункт одиннадцать, — говорю я. — «Найти синюю папку».

— Да.

— Это... всё задание?

— Да.

— Где её искать?

— Если бы я знал — нашёл бы сам.

Я кладу листок на стол. Северов смотрит на меня. Я смотрю на Северова. За окном — Москва, серая и бесконечная, с редкими пятнами майской зелени.

— Максим Андреевич, — говорю я спокойно, — я бухгалтер. У меня высшее образование, восемь лет стажа и диплом о переквалификации в налоговом праве. Я умею искать папки. Но мне нужно понимать хотя бы примерно — это физическая папка или цифровая? Синяя буквально или это кодовое название? И когда она последний раз видела этот стол?

Пауза.

Что-то в его лице — совсем чуть-чуть, почти незаметно — меняется. Не улыбка. Просто какое-то едва уловимое смещение в районе глаз.

— Физическая, — говорит он. — Синяя буквально. Примерно три недели назад.

— Хорошо, — говорю я.

— И Климова.

— Да?

— Пятно не отмывается холодной водой. Только горячей с мылом. И сразу.

Я смотрю на него. Он уже снова смотрит в экран.

Я встаю и иду искать синюю папку.

Папку я нахожу в час дня — в переговорной на двадцать первом этаже, под стопкой каких-то распечаток. Она действительно синяя. Внутри — контракт трёхлетней давности с чьей-то рукописной пометкой на полях: «не отдавать».

Я несу её Северову.

Он смотрит на папку, открывает, листает. Потом закрывает и кладёт в ящик стола.

— Спасибо.

— Пожалуйста. Там была пометка — «не отдавать». Я на всякий случай сфотографировала.

Он поднимает взгляд.

— Зачем?

— На случай если понадобится доказательство, что я её нашла, а не украла.

Долгая пауза.

— Вы часто ожидаете худшего?

— С некоторых пор — да, — говорю я.

Он смотрит на меня ещё секунду. Потом возвращается к экрану.

— Оставьте фотографию себе, — говорит он. — На сервер не заливайте.

— Хорошо.

Я иду к двери.

— Климова.

Я оборачиваюсь.

— Блузку на завтра — тёмную.

Я смотрю на него. Он уже не смотрит на меня.

Я выхожу и закрываю за собой дверь.

В лифте я стою и думаю о том, что следующий месяц будет очень интересным. В том смысле, в каком «интересно» обычно предшествует «ужасно».

Хотя кто знает.

Лифт едет вниз. За стеклом — Москва. Где-то на двадцать втором этаже человек без эмоций читает что-то важное и ни о чём не думает — или делает вид.

Я почему-то не уверена, что это одно и то же.

Глава 2. Правила, кофе и один неловкий момент

На следующее утро я надеваю тёмную блузку.

Не потому что он сказал. Просто она и так была следующей на очереди — я раскладываю одежду на неделю вперёд, это называется «организованность», а не «я слушаюсь незнакомых мужчин с парковки».

Просто совпадение.

Я повторяю это себе в лифте. И в коридоре. И когда открываю дверь на двадцать второй.

Северов уже за столом — хотя времени восемь ноль две, и я, честно говоря, пришла раньше нарочно, чтобы не повторить вчерашнее «вы стоите на моём месте» в каком-нибудь новом контексте.

Он смотрит на меня. Потом на блузку. Ничего не говорит.

Я сажусь за стол ассистента — он стоит у стены, за стеклянной перегородкой, откуда виден весь кабинет и краешек Москвы в окне.

— Доброе утро, — говорю я.

— Утро, — отвечает он.

Не «доброе». Просто «утро». Как будто эпитет не прошёл внутреннюю проверку.

Я открываю ноутбук. На столе лежит новый листок. Снова список. Я беру его и читаю.

Пункт первый: «Кофе. Американо. Без сахара. Третий этаж, кофейня у лестницы, не автомат».

Я смотрю на этот пункт. Потом на Северова.

— Максим Андреевич.

— Да.

— Я бухгалтер.

— Я помню.

— Бухгалтеры не носят кофе.

Пауза. Он поднимает взгляд от бумаг.

— Мой предыдущий ассистент носил.

— Ваш предыдущий ассистент ушёл посреди рабочего дня не попрощавшись.

Что-то снова едва заметно смещается в его лице. Он смотрит на меня секунду — именно так, как смотрят на задачу, которую неожиданно пришлось пересчитать.

— Хорошо, — говорит он. — Тогда согласуйте встречу с Мироновым на четверг. Почта открыта, доступ я дал.

— Хорошо.

— И если будете идти мимо кофейни — возьмите американо. Без сахара.

Я смотрю на него.

— Я не буду идти мимо кофейни.

— Тогда не нужно.

Он возвращается к бумагам. Я смотрю в спину этого раз-

говора и пытаюсь понять, кто только что победил.

Непонятно. Кажется, никто. Или оба.

К одиннадцати часам я понимаю несколько вещей.

Первое: Северов работает в абсолютной тишине. Не ставит музыку, не включает фон, не разговаривает сам с собой. Просто тишина — плотная, рабочая, немного давящая.

Второе: он отвечает на письма быстро и коротко. Я вижу его переписку — мне дали доступ к входящим. Люди пишут ему по три абзаца, он отвечает одним предложением. Иногда одним словом. Один раз — просто «нет».

Третье: он не пьёт кофе до одиннадцати. Ровно в одиннадцать встаёт, идёт к маленькой кофемашине у окна и делает себе американо сам. Стоит, смотрит на Москву, пьёт. Минуты три. Потом возвращается.

Это единственный момент за утро, когда он выглядит как живой человек, а не как очень убедительная его имитация.

В одиннадцать четыре он возвращается к столу и говорит, не поднимая глаз:

— Миронов ответил?

— Да. Говорит, что в четверг не может, предлагает пятницу утром или следующий вторник.

— Пятница.

— Во сколько?

— Десять.

Я пишу Миронову. Миронов отвечает через минуту —

словно только и ждал — что в десять не может, но может в десять тридцать.

Я смотрю на экран.

— Максим Андреевич, Миронов говорит, что десять не может. Десять тридцать.

— Десять, — повторяет Северов.

Я смотрю на него.

— Он сказал десять тридцать.

— Я слышал. Напишите: десять.

Я открываю рот. Закрываю. Смотрю в экран, потом на Северова, потом снова в экран.

Пишу Миронову: «Максим Андреевич предлагает десять».

Миронов молчит две минуты. Потом: «Хорошо, десять».

Я смотрю на это «хорошо, десять» и думаю о природе власти.

— Договорились на десять, — говорю я.

— Хорошо.

— Как вы знали, что он согласится?

Северов смотрит на меня с видом человека, которому задали вопрос настолько очевидный, что он не сразу понял — это серьёзно.

— Он всегда соглашается, — говорит он. — Просто сначала делает вид, что нет.

— Зачем?

— Чтобы казаться занятым.

Пауза.

— А вы? — спрашиваю я. — Вы тоже иногда делаете вид?

Он смотрит на меня долго. Не с раздражением — просто внимательно, как будто читает что-то мелким шрифтом.

— Редко, — говорит он наконец. И это звучит почему-то как правда.

В час дня я иду на обед.

Столовая на восьмом этаже — обычная, с подносами и тётей Людой у кассы, которая знает всех по имени и никогда не ошибается со сдачей. Здесь пахнет борщом и немного детством, и это единственное место во всём бизнес-центре, где мне не хочется держать спину прямо.

Я беру борщ, котлету и компот. Сажусь у окна.

За соседний столик садится женщина — лет сорока пяти, в строгом костюме, с лицом человека, который видел многое и часть из этого предпочёл бы развидеть. Она смотрит на мой поднос.

— Из бухгалтерии?

— Да. Вера.

— Тамара Игоревна. Юридический. — Она кивает куда-то вверх. — Слышала, тебя к Северову временно перевели.

— Слухи быстро ходят.

— Здесь лифт один, — говорит она просто. — Как он?

— В смысле?

— В смысле — живой ещё?

Я смотрю на неё.

— Живой. А что, были сомнения?

Тамара Игоревна намешивает сметану в борщ с видом опытного человека.

— До тебя за три месяца ушло двое. Первая — Леночка, хорошая девочка, говорят, просто перестала справляться. Второй — Артём, тот самый который в понедельник. Он три недели продержался.

— Почему ушёл?

— Не знаю. Он ничего не объяснял. Просто собрал ноутбук и пошёл. Бледный весь. — Она пожимает плечами. — Северов не злой. Я его лет шесть знаю. Просто... с ним трудно. Он не даёт зацепиться.

— В смысле?

— Ну вот ты работаешь с человеком — и начинаешь его понимать, привыкать, выстраивать какой-то... контакт. А он — нет. Он всегда ровный. Всегда одинаковый. Никогда не знаешь, что у него внутри. И это изматывает больше, чем если бы он орал.

Я думаю об этом. О тишине на двадцать втором. О голосе, в котором никогда нет ничего лишнего.

— Он мне сказал, какого цвета блузку надевать, — говорю я.

Тамара Игоревна смотрит на меня.

— И?

— И я надела тёмную. Просто совпало.
Она усмехается — первый раз за разговор.
— Ну-ну, — говорит она. — Держись.

После обеда я возвращаюсь на двадцать второй и застаю Северова стоящим у окна с телефоном у уха.

Он говорит по-английски — быстро, чётко, совершенно без акцента, что меня почему-то удивляет, хотя не должно. Я прохожу к своему столу, стараясь не шуметь.

Он заканчивает звонок. Поворачивается.

— Климова.

— Да.

— Нужно подготовить сводку по проекту «Восток» — финансовые показатели за первый квартал. Файлы в общей папке, доступ открыт.

Я открываю папку. Файлов — двадцать три. Разного формата, с разными датами, некоторые явно дубли.

— Это нужно к когда?

— К завтрашнему утру.

Я смотрю на двадцать три файла.

— Максим Андреевич, это несколько часов работы.

— Знаю.

— Рабочий день заканчивается в шесть.

— Знаю.

Я смотрю на него. Он смотрит на меня. Пауза такая, что в ней можно было бы расставить мебель.

— Сверхурочные оплачиваются? — спрашиваю я.

— Да.

— По какой ставке?

Он называет цифру. Я успеваю быстро прикинуть в голове — это примерно в полтора раза больше моего обычного часового тарифа.

— Хорошо, — говорю я. — Тогда мне нужен чай. Зелёный, если есть.

Пауза.

— На кухне, второй шкаф слева, — говорит он.

— Спасибо.

Я иду на кухню. Нахожу чай. Возвращаюсь.

Сажусь. Открываю первый файл. И только через минуту понимаю, что кофе он себе всё-таки делал сам, а мне — сказал где чай, хотя мог не говорить.

Это, наверное, ничего не значит.

Наверное.

В половине восьмого офис на двадцать втором пустеет полностью — уходит даже секретарша с ресепшена, которая перед уходом заглядывает ко мне с видом человека, который хочет что-то сказать, но решает не говорить.

Мы с Северовым остаёмся вдвоём.

Это странно — сидеть в тишине с человеком, которого знаешь меньше двух суток, и при этом не чувствовать неловкости. Или чувствовать, но такую, которая не требует запол-

нения.

Я работаю. Он работает. Москва за окном темнеет и зажигает огни.

В восемь пятнадцать он встаёт, берёт пальто.

— Вы сколько ещё?

— Час, наверное. Осталось немного.

Он кивает. Идёт к двери. Останавливается.

— Климова.

— Да?

— Завтра на парковке — гостевые места теперь со второго ряда. Первый ряд весь именной.

Я смотрю на него.

— Это было бы полезно знать вчера.

— Вчера я не знал, что вы будете здесь работать.

— Табличку всё равно надо перевесить.

Долгая пауза. Потом — и это я вижу совершенно точно, потому что смотрю прямо на него — в уголке его рта что-то происходит. Не улыбка. Что-то, что могло бы стать улыбкой, если бы решило.

— До завтра, Климова.

— До завтра, Максим Андреевич.

Дверь закрывается.

Я сижу в тишине двадцать второго этажа, одна, с тридцатью страницами финансовой сводки и зелёным чаем, который уже остыл.

За окном — огни. Где-то там, внизу, человек в тёмно-се-

ром пальто идёт к машине, думает о чём-то своём и, скорее всего, уже забыл, что я существую.

А я почему-то думаю о том, что в уголке его рта было.

Это, конечно, ничего не значит.

Совершенно точно ничего не значит.

Я допиваю холодный чай и дописываю сводку.

Глава 3. Дождь, лифт и вещи, которые не говорят вслух

В четверг идёт дождь.

Не тот приятный майский дождь, который пахнет сиренью и под который хочется пить чай у окна. А тот, злой и горизонтальный, который налетает без предупреждения и мочит ровно то, что мочить не следует.

Я выхожу из метро — зонт дома, разумеется, потому что утром было солнце и я поверила — и за тридцать секунд успеваю промокнуть так, что пиджак перестаёт быть пиджаком и становится просто мокрой тканью с пуговицами.

На парковке — правильной, второй ряд, я запомнила — я сижу в машине и смотрю на дождь. Потом смотрю на часы. Потом на дождь.

До входа — метров сорок.

Я делаю вдох и бегу.

В лифте я стою и капаю на пол. Буквально. Вода с волос, с пиджака, с сумки — всё это методично собирается в маленькую лужу у моих ног, и я смотрю на неё с чувством человека, которому уже нечего терять.

На третьем этаже двери открываются и заходит Северов.

Он смотрит на меня. На лужу. Снова на меня.

На нём — то же тёмно-серое пальто, совершенно сухое, потому что у него, очевидно, есть зонт или личная договорённость с погодой.

— Доброе утро, — говорю я с достоинством.

— Утро, — говорит он.

Двери закрываются. Лифт едет вверх. Мы стоим рядом — я мокрая насквозь, он безупречный, и между нами примерно полметра пространства и вся разница наших жизней.

— Зонт, — говорит он.

— Что?

— Нужно носить зонт.

Я смотрю на него.

— Спасибо. Я не знала.

Он смотрит прямо на двери лифта и молчит. Я тоже смотрю на двери и молчу, и только лужа у моих ног тихо расширяется.

— Утром было солнце, — говорю я наконец. — Прогноз не обещал дождя.

— Прогноз на май в Москве — это художественная литература.

Я поворачиваюсь к нему. Он по-прежнему смотрит на двери. Но что-то в том, как это было сказано — чуть иначе, чем обычно. На полтона живее.

— Вы только что пошутили? — спрашиваю я.

— Нет.

— Похоже на шутку.

— Это наблюдение.

Двери открываются на двадцать втором. Мы выходим. Северов идёт к своему кабинету. На пороге останавливается, не оборачивается.

— В шкафу за секретарским столом есть плед. Возьмите, пока не заболели.

И заходит.

Я стою в коридоре и смотрю на закрытую дверь.

Потом иду к секретарскому столу, открываю шкаф. Плед там действительно есть — серый, мягкий, явно дорогой. Я закутываюсь в него и думаю, что это ничего не значит. Это просто рационально — больной ассистент менее продуктивен, чем здоровый.

Это чистая логистика.

Я почти в это верю.

В одиннадцать я заканчиваю разбирать почту — у Северова её много, часть на английском, часть на русском, и есть одно письмо на немецком, которое я гуглю по частям и всё равно понимаю только в общих чертах.

— Максим Андреевич.

— Да.

— Есть письмо на немецком. От некоего Штайнера. Я перевела, но не уверена в точности — там юридические термины.

Он протягивает руку, не глядя. Я кладу распечатку. Он

читает — быстро, скользит взглядом по строчкам, потом откладывает.

— Ваш перевод правильный.

— Вы читаете по-немецки?

— Да.

— И по-английски.

— Да.

— Что ещё?

Он смотрит на меня с лёгким удивлением — не обиженным, а именно удивлённым, как будто не ожидал вопроса.

— Французский. Немного итальянский.

— Итальянский зачем?

— Так получилось.

Я смотрю на него. «Так получилось» — это первое, что он сказал без конкретной причины. Просто факт, который не объясняется рабочей необходимостью.

— Вы учились за границей?

— Нет. — Пауза. — Читал много. В основном в оригинале.

— Что читали?

Он смотрит на меня долго. Я чувствую, что вопрос перешёл какую-то черту — не грубо, но заметно. Как будто я открыла шкаф, который обычно не открывают.

— Климова, — говорит он.

— Да.

— Штайнер ждёт ответа до пятницы. Напишите, что мы

изучаем предложение.

— Хорошо.

Я поворачиваюсь к экрану. Пишу Штайнеру. Потом сижу и смотрю в текст, и думаю — человек, который выучил итальянский просто потому что читал много в оригинале, это не пустой человек. Это человек, у которого внутри что-то есть. Просто вход закрыт, и табличка — как та, на парковке — на уровне плинтуса.

Надо знать, где смотреть.

В два часа к Северову приходит посетитель.

Я слышу, как он входит — громко, уверенно, с таким звуком шагов, который говорит «я здесь главный» раньше, чем человек успевает открыть рот. Мужчина лет пятидесяти, плотный, в хорошем костюме, с лицом человека, привыкшего к тому, что его ждут.

— Максим! — говорит он с порога. — Ты похудел.

— Присаживайся, Валерий, — говорит Северов ровно.

Они закрывают дверь. Я слышу голоса — не слова, просто интонации. Северов говорит мало и тихо. Валерий — много и громко. Через двадцать минут Валерий выходит.

Проходя мимо моего стола, он притормаживает и смотрит на меня с интересом, который мне не очень нравится.

— Новенькая?

— Временно.

— Как он? — кивает в сторону кабинета. — Не сожрал

ещё?

— Пока нет.

Он усмехается.

— Держись. Он хороший мужик, но... — Валерий делает неопределённый жест рукой. — Сложный. С ним все сложно.

— Почему?

Валерий смотрит на меня с видом человека, которому задали вопрос, на который он не готов отвечать честно.

— Так получилось, — говорит он. И уходит.

Я смотрю ему в спину и думаю, что это уже второй человек за три дня, который говорит про Северова «так получилось» — и оба раза это звучит как конец истории, которая началась задолго до меня.

В четыре часа я иду на кухню за второй порцией чая и застаю там Северова.

Он стоит у окна со стаканом воды — просто воды, не кофе — и смотрит на дождь. Дождь всё ещё идёт, хотя уже без прежней агрессии — устал, что ли.

Я беру чайник. Стараюсь не шуметь.

— Климова.

— Да.

— Вы замужем?

Я замираю с чайником в руках.

Поворачиваюсь. Он по-прежнему смотрит в окно, не на

меня.

— Это... рабочий вопрос?

— Нет.

— Тогда зачем?

— Просто спросил.

Я смотрю на его профиль — чёткий, спокойный, совершенно непроницаемый.

— Была, — говорю я.

Он ничего не говорит. Я жду — не знаю чего именно. «Извините», «понятно», «это объясняет»... Но он просто молчит и смотрит на дождь.

— А вы? — спрашиваю я, потому что справедливость — это важно.

— Нет, — говорит он.

— Никогда?

Пауза. Длинная. Такая, что я успеваю пожалеть о вопросе.

— Один раз, — говорит он наконец. — Давно.

Он разворачивается, ставит стакан и идёт к выходу.

— Сводка хорошая, — говорит он уже у двери. — По проекту «Восток». Структура правильная.

— Спасибо.

— По итогам месяца я попрошу Пуговкина включить это в вашу аттестацию.

Он уходит.

Я стою с чайником и смотрю на дверь, которая снова закрылась.

Он один раз был женат. Давно. И это — всё, что я знаю. И почему-то это «давно» звучит не как факт биографии, а как что-то, что до сих пор занимает место. Тихо. Не мешая. Но занимая.

Я наливаю чай.

Думаю о своём «была замужем». О том, как полгода назад Игорь сказал мне «нам нужно поговорить» голосом человека, который давно уже поговорил — только не со мной. О том, как я тогда первым делом подумала: надо переложить деньги с нашего совместного счёта, потому что я бухгалтер и у меня в кризис включается сначала голова, а потом сердце.

Сердце включилось потом. Недели через три.

Было громко.

Я возвращаюсь к столу. Дождь за окном наконец перестает — вот так, сразу, как будто кто-то закрыл кран. Выходит солнце. Москва блестит.

— Климова.

Северов стоит в дверях кабинета. Смотрит на окно.

— Вышло солнце, — говорит он.

— Вижу.

— Зонт теперь точно не нужен.

Я смотрю на него. Он смотрит на меня. И в этот раз — я готова поклясться — в уголке рта уже не «что-то, что могло бы стать улыбкой». Это уже почти она.

Почти.

— Следующий раз возьму два, — говорю я. — На всякий

случай.

— Разумно.

Он скрывается в кабинете.

Я смотрю в экран и думаю, что месяц — это двадцать два рабочих дня. Я здесь третий.

Девятнадцать осталось.

Почему-то это звучит не как «осталось», а как «всего».

Я открываю следующее письмо и стараюсь не думать об этом.

Получается плохо.

Домой я еду в половине седьмого.

В метро — давка, кто-то наступает мне на ногу, не извиняется, духота послегрозовая, и я стою, держась за поручень, и думаю о прошедшем дне. Разбираю его по частям, как всегда делаю в дороге.

Плед из шкафа.

«Прогноз на май в Москве — это художественная литература».

Штайнер и итальянский «так получилось».

«Один раз. Давно».

«Сводка хорошая».

Я складываю всё это в голове — аккуратно, как столбики в ведомости — и смотрю на то, что получается.

Получается человек. Не холодный. Не робот. Просто — очень аккуратно закрытый. Как окно, которое давно не от-

крывали — не потому что там нечего проветривать, а потому что привыкли к спёртому воздуху и перестали замечать.

Я еду домой. За окном метро — темнота тоннеля.

И я думаю — совершенно посторонне, совершенно ни к чему — интересно, кто она была. Та, давно.

Поезд тормозит. Моя станция.

Я выхожу и обещаю себе больше не думать об этом.

До утра — точно.

Глава 4. Корпоратив, каблуки и правило «не думать»

В пятницу утром на общем чате бизнес-центра появляется сообщение от HR:

«Дорогие коллеги! Напоминаем, что сегодня в 19:00 в конференц-зале А (4 этаж) состоится ежеквартальный корпоратив. Присутствие всех сотрудников приветствуется. Дресс-код: smart casual. Будет фуршет, живая музыка и розыгрыш призов. Ждём всех!»

Я читаю это и думаю: «приветствуется» — это не «обязательно». Значит, можно не идти.

В десять утра Северов говорит:

— Сегодня корпоратив.

— Я видела.

— Вы пойдёте.

Я смотрю на него.

— Это... рабочее задание?

— Это представительская функция. Вы работаете на двадцать втором. Там будут партнёры, нужно обеспечить присутствие.

— Чьё присутствие?

— Ваше. И моё.

Пауза.

— То есть мы идём вместе, — говорю я медленно.

— Мы идём на одно мероприятие, — поправляет он. —

Это не одно и то же.

Я смотрю на него. Он смотрит в бумаги.

— Дресс-код smart casual, — говорю я. — У меня с собой нет ничего подходящего.

— Знаю. Поэтому у вас есть три часа.

— У меня есть три часа рабочего времени, которые я должна потратить на шопинг?

— Считайте это рабочей командировкой.

— Командировкой. В магазин одежды.

— Климова.

— Да.

— Такси уже заказано. Выходите через десять минут.

Я смотрю на него ещё секунду. Потом закрываю ноутбук, беру сумку и думаю, что нормальные люди хотя бы спрашивают, прежде чем отправлять кого-то за новым платьем.

Но такси заказано. Это же важно.

Магазин оказывается не тем, куда я бы пошла сама.

Я бы пошла в торговый центр рядом с домом, где знаю каждый отдел и продавца Свету, которая всегда говорит честно: «Вера, это не ваше, берите вон то». Здесь — другое место. Тихое, с негромкой музыкой, с продавцами, которые не бросаются сразу, а дают осмотреться. Я стою у входа и смотрю на ценники.

Потом достаю телефон и пишу Северову: «Здесь дорого».
Он отвечает через тридцать секунд: «Знаю».
Я стою и смотрю на это «знаю».
Потом пишу: «Мне неудобно».
Он пишет: «Счёт корпоративный. Не ваши деньги».
Я убираю телефон и иду выбирать платье.

Платье — тёмно-синее, простое, с рукавом до локтя и юбкой до колена. Не вызывающее и не монашеское. Я смотрю на себя в зеркало и думаю, что выгляжу как человек, у которого всё в порядке.

Это приятно — выглядеть так, даже если это неправда.

Продавец упаковывает. Я беру пакет, выхожу, сажусь в такси и еду обратно.

В лифте достаю телефон и пишу: «Купила. Возвращаюсь».

Он не отвечает. Это нормально — он вообще редко отвечает на сообщения, которые не требуют ответа. Я уже начинаю к этому привыкать. Начинаю понимать его внутреннюю логику: если ответ ничего не меняет — зачем отвечать.

Это раздражает. И одновременно — почему-то успокаивает. Потому что означает: когда он всё-таки отвечает — это не вежливость. Это значит что-то.

Я думаю об этом в лифте и понимаю, что думать об этом не следует.

До корпоратива — час.

Северов уходит в переговорную. Я переодеваюсь в туалете, крашусь наспех, смотрю на себя в зеркало над раковиной и говорю своему отражению: «Это просто работа. Представительская функция. Три часа и домой».

Отражение смотрит на меня без особого доверия.

В коридоре меня догоняет Тамара Игоревна — в тёмно-бордовом платье, с серьгами, которые явно достаются только по особым случаям.

— О, — говорит она, оглядывая меня. — Хорошо.

— Спасибо. Северов отправил в магазин.

Тамара Игоревна смотрит на меня с выражением, которое я не сразу расшифровываю. Потом расшифровываю: это удивление, тщательно замаскированное под нейтральность.

— Северов. Отправил тебя. В магазин, — повторяет она медленно.

— За корпоративный счёт. Представительская функция, — объясняю я.

— Конечно, — говорит Тамара Игоревна. — Представительская.

И идёт вперёд с видом человека, который думает что-то интересное, но держит это при себе.

Конференц-зал на четвёртом этаже превращён в подобие приёма — столы с едой вдоль стен, в углу трио музыкантов исполняет что-то джазовое и ненавязчивое, люди стоят групп-

пами, разговаривают, смеются.

Я беру бокал с водой — потому что завтра суббота, но я на работе, а значит правила не отменяются — и начинаю методично искать знакомые лица.

Нахожу Пуговкина. Он уже с бокалом вина, румяный, радостный.

— Верочка! — говорит он. — Отлично выглядишь. Как там на двадцать втором?

— Работаем.

— Северов не обижает?

— Он меня в магазин отправил.

Пуговкин моргает.

— В смысле?

— Представительская функция.

— А, — говорит Пуговкин с таким видом, как будто это всё объясняет, хотя явно ничего не объясняет.

В этот момент в зал входит Северов.

Я не сразу понимаю, что именно меняется, когда он входит — но что-то меняется. Не в нём. В комнате. Несколько человек оборачиваются. Кто-то выпрямляется. Разговоры не стихают, но как-то... перестраиваются.

На нём тёмный костюм вместо обычного. Всё остальное — то же: прямая спина, спокойное лицо, взгляд человека, который видит помещение целиком, а не по частям.

Он оглядывает зал — и останавливается на мне.

Пересекаемся взглядом ровно на секунду.

Потом он идёт к группе мужчин у окна, и я снова начинаю дышать.

— Ты покраснела, — говорит Пуговкин.

— Это от духоты, — говорю я.

— Конечно, — говорит Пуговкин. Примерно с тем же интонацией, что Тамара Игоревна.

Что-то явно происходит в этом офисе с людьми — они все начинают говорить «конечно» с интонацией «совсем не конечно».

Следующий час я провожу в режиме «представительская функция»: разговариваю с людьми, которых видела в лифте, но не знала по имени, слушаю про чей-то отдел, чей-то проект, чьи-то планы на лето. Это несложно — я умею слушать, умею задавать правильные вопросы, умею делать так, чтобы собеседник чувствовал себя интересным.

Игорь всегда говорил, что это мой главный талант.

Потом говорил, что с его новой девушкой ему «просто интереснее».

Я перестала думать об Игоре примерно три месяца назад. Сейчас думаю снова — мельком, как смотришь на старый чек в кармане куртки: ах, это. И убираешь обратно.

— Климова.

Северов появляется рядом — негромко, как всегда. Я не слышу, когда он подходит. Это немного раздражает.

— Да.

— Идёмте. Познакомлю с Архиповым — он партнёр по проекту «Восток», видел вашу сводку.

— Он видел мою сводку?

— Я послал. Там стоит ваше имя в колонтитуле.

Я смотрю на него. Он мог убрать моё имя. Или поставить своё. Это было бы логично — сводку готовил ассистент, она ушла от его имени.

— Зачем?

— Потому что это ваша работа, — говорит он просто. Как будто других вариантов не существовало.

Я иду за ним к группе у окна.

Архипов — невысокий, быстрый, с цепкими глазами и манерой перебивать на полуслове, которая, кажется, не раздражает его собеседников только потому, что он делает это с таким интересом, что неловко обижаться.

— Вера! — говорит он, как будто мы знакомы сто лет. — Отличная работа по первому кварталу. Чётко, без воды, я таких сводок давно не видел. Обычно мне присылают простыни на сорок страниц.

— Бухгалтерская привычка, — говорю я. — Если можно написать одну цифру вместо абзаца — пишем цифру.

Архипов смеётся. Смотрит на Северова.

— Где ты её нашёл?

— На своём парковочном месте, — говорит Северов.

Я поворачиваюсь к нему. Он смотрит на Архипова с аб-

солютно спокойным лицом.

Архипов хохочет.

Я стою и думаю: он только что рассказал эту историю. Он. Северов. Который говорит только необходимое. Который экономит слова как валюту. Он взял и потратил несколько из них — на историю про парковку. На историю, которая его не выставляет в лучшем свете.

Зачем?

— С вами приятно работать, — говорит Архипов, и это звучит как настоящее. — Максим, надо её не отпускать.

— Она временно, — говорит Северов.

— Жаль, — говорит Архипов.

Слово падает и остаётся лежать между нами — «жаль» — и никто его не подбирает.

В девять вечера я стою у лифта с туфлями в руках.

Каблуки я сняла полчаса назад — тихо, в углу, пока никто не смотрел. Ноги гудят. Голова тоже немного гудит — от музыки, от людей, от разговоров.

Лифт открывается.

В нём стоит Северов.

Он смотрит на туфли в моих руках. На мои носки — самые обычные, с маленькими полосками, потому что я не планировала, что кто-то их увидит. Потом на меня.

— Не удобные, — говорю я, опережая очевидное.

— Вижу.

Я захожу в лифт. Двери закрываются. Мы едем вниз.

— Архипов остался доволен, — говорит он.

— Хорошо.

— Проект «Восток» входит в активную фазу в июне. Там нужна будет дополнительная финансовая аналитика.

Я смотрю на него.

— Вы сейчас предлагаете мне продолжить работать после истечения месяца?

— Я говорю, что такая необходимость может возникнуть.

— Это не одно и то же.

Он смотрит прямо на двери. Пауза.

— Нет, — соглашается он. — Не одно и то же.

Лифт останавливается на первом этаже. Двери открываются.

За стеклом входной группы — тёмная улица, огни, и дождя нет, и это хорошо.

— Спокойной ночи, Максим Андреевич.

— Спокойной ночи.

Я делаю шаг. Потом ещё один.

— Климова.

Я оборачиваюсь.

Он стоит в лифте — двери уже начинают закрываться — и смотрит на меня. На секунду. На одну только секунду — и в его лице что-то такое, чего я раньше не видела. Не улыбка и не тепло. Что-то тише. Что-то, что бывает у людей, когда они смотрят на вещь, которую не собираются брать — но всё

равно смотрят.

— Сводку по второму кварталу начните в понедельник,
— говорит он.

Двери закрываются.

Я стою в пустом холле с туфлями в руках и смотрю на закрытые двери лифта.

Потом надеваю туфли обратно. Выхожу на улицу.

Иду к метро.

И думаю — методично, как бухгалтер, раскладывая по ячейкам — про «жаль» Архипова, про парковку в его исполнении, про «необходимость может возникнуть» и про тот взгляд в последнюю секунду перед тем, как закрылись двери.

Складываю всё это.

Смотрю на то, что получается.

Убираю подальше.

Потому что я умный человек с высшим образованием и дипломом о переквалификации в налоговом праве, и я отлично понимаю: есть вещи, в которые не нужно вкладываться. Есть люди — закрытые, сложные, с «давно» внутри — с которыми не следует начинать ничего считать.

Потому что бухгалтер всегда знает: если данные ненадёжны — модель не строится.

Всё.

Я еду домой.

За окном метро — тёмный тоннель, и мне почему-то кажется, что в понедельник двадцать второй этаж будет ощу-

щаться немного иначе, чем в четверг.

Немного ближе.

Это, разумеется, ничего не значит.

Глава 5. Понедельник, Полина и правило «не моё дело»

Понедельник начинается хорошо.

Это подозрительно.

Я приезжаю вовремя, паркуюсь правильно, в лифте никого нет, на столе ассистента лежит новый список задач — короткий, всего восемь пунктов, и все понятные. Северов уже за столом, говорит по телефону, кивает мне когда я вхожу. Я сажусь, открываю ноутбук, начинаю работать.

Тишина. Кофе в одиннадцать. Письма, звонки, таблицы.

Всё как обычно. Всё хорошо.

Я жду, когда что-нибудь пойдёт не так.

Не так идёт в половине двенадцатого.

Дверь на двадцать второй открывается — не так, как открывают деловые люди, которые входят работать. А так, как открывают люди, которые входят и сразу заполняют собой всё пространство.

Женщина.

Лет тридцати пяти. Высокая. Тёмные волосы собраны небрежно — из тех небрежностей, которые стоят дорого и занимают много времени. Пальто цвета слоновой кости. Каблуки, которые не снимают на корпоративах. Лицо — кра-

сивое, острое, с таким выражением, как будто она всегда немного впереди разговора.

Она смотрит на меня.

— Где Артём? — спрашивает она.

— Артём уволился, — говорю я. — Вы к Максиму Андреевичу?

— К Максиму. — Она произносит это без отчества — коротко, как произносят имена людей, которых знают давно и с другой стороны. — Я Полина. Скажите, что пришла.

— Минуту.

Я встаю, стучу в дверь кабинета, приоткрываю.

— Максим Андреевич, к вам Полина.

Пауза. Короткая, но заметная — та самая, которая бывает, когда человек слышит имя и что-то внутри него реагирует раньше, чем он успевает это контролировать.

— Пусть войдёт.

Я отхожу. Полина проходит мимо меня — близко, с лёгким запахом дорогих духов — и закрывает за собой дверь.

Я сажусь. Смотрю в экран.

Начинаю работать.

Не думаю ни о чём.

Они разговаривают сорок минут.

Я не слышу слов — только интонации. Его голос — ровный, как всегда. Её — переменчивый: то тише, то чуть резче, то с паузой. Один раз — что-то похожее на смех. Её, не его.

В час дня дверь открывается. Полина выходит. Смотрит на меня мельком, как смотрят на предметы интерьера, — не оценивая, просто фиксируя.

— Максим сказал, вы из бухгалтерии? — спрашивает она.

— Да. Временно помогаю.

— Понятно.

Она надевает пальто — одним движением, красиво, как будто всю жизнь тренировалась. Идёт к выходу.

На пороге останавливается.

— Он сегодня обедает? — спрашивает она, не поворачиваясь.

— Не знаю, — говорю я честно.

Она уходит.

Я сижу и смотрю на закрытую дверь кабинета. Потом на входную дверь, за которой исчезла Полина. Потом снова на экран.

Работаю.

Это не моё дело. Совершенно.

В два часа Северов выходит.

Проходит к кофемашине — на двадцать минут позже обычного. Делает американо. Стоит у окна. Москва за окном серая и будничная.

Я жду.

— Климова.

— Да.

— Мне нужен список всех текущих контрактов с датами окончания. До конца недели.

— Хорошо.

Пауза.

— Полина Викторовна — она партнёр по одному из старых проектов, — говорит он. Просто говорит. Без вопроса с моей стороны.

Я смотрю на него.

— Я не спрашивала.

— Знаю.

Он возвращается к столу.

Я смотрю в экран и думаю: человек, который объясняет то, о чём его не спрашивают — объясняет это себе. Не мне.

Это очень интересное наблюдение.

Я убираю его в ту же папку, что взгляд в лифте, историю про парковку и итальянский «так получилось».

Папка становится заметно толще.

После обеда заходит Тамара Игоревна — якобы по документам, но документы она кладёт на стол и остаётся стоять.

— Видела Полину, — говорит она.

— Угу, — говорю я.

— Она была?

— Была.

— Долго?

— Сорок минут примерно.

Тамара Игоревна делает лицо, которое не является лицом удивления только потому, что она его тщательно контролирует.

— Понятно, — говорит она.

— Тамара Игоревна, — говорю я. — Кто она?

Пауза. Тамара Игоревна смотрит на меня, потом на дверь кабинета, потом снова на меня.

— Это не мне рассказывать, — говорит она наконец.

— Но вы знаете.

— Знаю.

— И не скажете.

— Не скажу.

Я смотрю на неё. Она смотрит на меня с выражением человека, которому жаль, но который считает, что некоторые вещи должны открываться сами, а не через посредников.

— Скажу одно, — говорит она. — Давно. Это всё, что тебе нужно знать для начала.

Она берёт свои документы и уходит.

Я сижу.

«Давно».

Он сказал «один раз. Давно». И Тамара говорит «давно». И Валерий сказал «так получилось».

Я складываю эти три слова вместе и получаю контур — нечёткий, как карандашный набросок, где линии только намечены, но не прорисованы. Человека с историей. С чем-то, что закрыло за собой дверь и осталось внутри.

Мне не нужно знать что именно.

Совершенно не нужно.

Я открываю реестр контрактов и начинаю работать.

В четыре часа происходит первое.

Я имею в виду — первое настоящее. То, после чего папка с наблюдениями уже не просто толстеет — она начинает весить.

Я несу Северову распечатку — промежуточный вариант реестра, первые двадцать позиций. Стучу. Вхожу.

Он сидит за столом, но не работает. Просто сидит. Смотрит в окно — не так, как обычно смотрит в рабочей паузе, а как-то иначе. Как смотрят, когда думают не о работе.

Я кладу распечатку на край стола.

— Промежуточный вариант. Остальное к среде.

Он не отвечает.

Я жду секунду. Разворачиваюсь, иду к двери.

— Климова.

— Да.

— У вас есть... — Он останавливается. Пауза. — Не важно.

— Хорошо, — говорю я.

Делаю ещё шаг.

— У вас есть кто-то? Близкий человек, — добавляет он, и это звучит так, будто имя далось ему с некоторым усилием.

— Подруга, мать, кто-то.

Я поворачиваюсь.

Он смотрит на меня прямо — не в окно, не в бумаги. На меня. И в его лице сейчас нет обычной ровности — или она есть, но под ней что-то просвечивает. Что-то усталое.

— Есть, — говорю я осторожно. — Подруга Катя. И мама.

Он кивает. Смотрит на стол.

— Хорошо, — говорит он. Просто «хорошо» — как будто это был важный вопрос, на который нужен был важный ответ. — Идите.

Я иду.

В коридоре останавливаюсь и стою секунду у стены.

Он спросил, есть ли у меня кто-то близкий. После сорока минут разговора с женщиной по имени Полина. После того, как у него что-то сдвинулось в лице — не видно снаружи, но я уже научилась смотреть туда, куда другие не смотрят.

Я не знаю, что это значит.

Но это явно что-то значит.

В шесть я собираю вещи.

Северов всё ещё в кабинете — я слышу, что он на звонке. Я надеваю пальто, беру сумку. Потом — не знаю зачем, просто потому что кажется правильным — иду к кофемашине, делаю американо без сахара и ставлю его у двери кабинета.

Стучу.

— Оставляю кофе, — говорю в щель. — Ухожу. До завтра.

Он прикрывает телефон рукой.

— До завтра.

Я иду к лифту.

Уже нажала кнопку — уже жду, уже почти ушла — когда из кабинета доносится голос. Не в телефон. Просто — в пространство. Негромко, без адресата.

— Спасибо за кофе.

Лифт открывается.

Я захожу.

И думаю, что «спасибо за кофе» от человека, который благодарит в пространство, — это, наверное, самое честное «спасибо», которое бывает. Без аудитории. Просто потому что хотел сказать.

Двери закрываются.

Еду вниз.

И папка с наблюдениями — та самая, которую я собиралась убрать подальше, — уже не убирается. Она просто есть. Лежит там, где лежит.

Я решаю пока не трогать.

Вечером звонит Катя.

Катя — моя подруга двенадцать лет. Она художник-иллюстратор, живёт в Питере, звонит когда хочет и говорит что думает, и это иногда невыносимо и всегда ценно.

— Ну как ты? — спрашивает она.

— Работаю. Перевели временно на другой этаж.

— И?

— И ничего. Работа.

— Вера.

— Что.

— Ты используешь голос «ничего особенного».

— Это просто голос.

— Это голос «есть кое-что, но я не скажу». Я его знаю двенадцать лет.

Я лежу на диване, смотрю в потолок.

— Там мой начальник, — говорю я. — Временный. Он очень... сложный.

— Сложный как «неприятный» или сложный как «интересный»?

Пауза.

— Он однажды объяснил мне, чем отличается отмывание пятен от творога горячей водой от холодной.

Долгая пауза на том конце.

— Вера, — говорит Катя медленно.

— Это ничего не значит, — говорю я.

— Конечно, — говорит Катя.

И снова это «конечно» — с той самой интонацией. Как у Пуговкина. Как у Тамары Игоревны.

Что происходит с людьми вокруг меня.

— Расскажи мне про него, — говорит Катя. — С самого начала.

— Не о чем рассказывать.

— Ты только что упомянула творог. Рассказывай.

Я смотрю в потолок.

И рассказываю.

Про парковку. Про синюю папку. Про плед из шкафа. Про «один раз, давно». Про корпоратив и взгляд в лифте перед закрытием дверей. Про кофе в пространство.

Катя молчит всё это время — только слушает, и это её высший знак внимания.

— Понятно, — говорит она, когда я заканчиваю.

— Что тебе понятно.

— Всё.

— Катя.

— Вера.

— Ничего не происходит.

— Я слышу.

— Ещё две с половиной недели, и я возвращаюсь в свою бухгалтерию.

— Слышу.

— И это просто работа.

— Вера, — говорит Катя ласково. — Ты перечислила мне восемь отдельных случаев за пять рабочих дней. Ты помнишь их все по порядку. И ты называешь это «просто работа».

Я молчу.

— Когда ты последний раз так помнила чьи-то слова? — спрашивает она тихо. — Вообще. Не считая рабочих совещаний.

Я лежу на диване.

Думаю.

— Давно, — говорю я наконец.

Катя молчит секунду.

— Ну вот, — говорит она просто.

И больше ничего не добавляет — потому что Катя умеет останавливаться в нужном месте.

Мы ещё немного говорим — про её работу, про Питер, про то, что она приедет в июне. Потом прощаемся.

Я кладу телефон на грудь и смотрю в потолок.

«Давно».

Это слово сегодня произносили трое: Тамара про Полину. Я — Кате. И он — про брак, в пятницу, у кофемашины.

Три человека. Одно слово. Три разных груза.

За окном — майская ночь, тихая, с запахом первых листьев через приоткрытую форточку.

Я думаю о том, что завтра вторник.

Восемнадцать рабочих дней.

Нет — семнадцать. Я забыла посчитать завтра.

Семнадцать.

Это очень мало, думаю я.

И сразу одёргиваю себя: мало для чего? Для работы хватит. Реестр контрактов, сводка по второму кварталу, Штайнер, Берлин. Всё сделаю.

Для всего остального — достаточно много.

Чтобы вернуться в бухгалтерию к Пуговкину, к принтеру,

который жуёт бумагу, к пальме, которая живёт из принципа.

Туда, где всё понятно, и никто не смотрит на тебя в последнюю секунду перед закрытием дверей.

Это правильный план.

Хороший план.

Я закрываю глаза.

И почти сразу думаю: интересно, кто она — Полина.

Почти сразу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.